

Научная статья

УДК 930.2

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-156-166

Школа «Новая цинская история»: маньчжурский поворот в американской историографии

Александр Алексеевич Ильюхов

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

alexsmol96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4169-9052>

Аннотация

Впервые в российской китаистике дается подробный обзор современных тенденций в американском маньчжуроведении. В частности уделяется особое внимание такой историографической школе, как «новая цинская история» (*New Qing History*), выведшей критику теории китаизации маньчжуров в 1980–1990-е гг. на принципиально иной уровень теоретизирования. Кроме того, представлен критический ответ сторонников теории китаизации маньчжуров на тезисы, ныне господствующие среди американских ученых. Несмотря на существующие различия во взглядах, приверженцы пересмотра прежней парадигмы разделяют ряд общих подходов при изучении династии Цин: необходимость обращения к источникам на маньчжурском языке, сравнение династии Цин с другими империями Евразии раннего Нового времени, отказ от отождествления маньчжурского режима с Китаем и рассмотрение Китая лишь в качестве одной из составляющих частей империи, пристальное внимание к проблеме идентичностей в империи Цин. Пожалуй, главным положением направления *New Qing History* является постулирование значимости маньчжурского фактора в функционировании цинского государства.

Ключевые слова

империя Цин, историография, *New Qing History*, американское маньчжуроведение, идентичность, Памела Кайл Кроссли, Марк Эллиотт

Для цитирования

Ильюхов А. А. Школа «Новая цинская история»: маньчжурский поворот в американской историографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 156–166. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-156-166

New Qing History School: The Manchu Turn in American Historiography

Aleksandr A. Iliukhov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

alexsmol96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4169-9052>

Abstract

The article gives a detailed overview of modern trends in the American Manchu studies. Special attention is given to the *New Qing History* historiographic school, which during the 1980s and 1990s criticized the Sinicization theory on entirely new levels of theorizing during the 1980s and the 1990s. Despite existing differences in views, the experts share common approaches to the Qing studies: importance of the Manchu sources, comparison of the Qing dynasty

© Ильюхов А. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 156–166

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 156–166

with the other Early Modern empires of Eurasia, refusal to identify the Manchu regime with China and considering China only as one of the parts of the Empire, close attention to the identities issue in the Qing empire. This article analyzes the ideas of such prominent American experts in Manchu studies as Pamela Kyle Crossley and Mark C. Elliott, as well as some concepts of their teachers and predecessors. The central position of the *New Qing History* school is a statement of the importance of the Manchu factor in the functioning of the Qing state. The article also gives the critical response of supporters of the Sinicization theory to the theses prevailing among the American scholars. They express doubts about the dichotomy claimed by the *New Qing History* scholars between Manchu and Chinese identities. In their opinion, the process of sinicization includes not only Chinese but also other minor forms of identities, so the Manchus could preserve their own identity but still think of themselves as part of the Chinese civilization. Such criticism undoubtedly has common points with the modern Chinese political concept of the “Chinese family of the united nations”. The author believes both approaches should be taken into consideration when researching Manchu and Chinese sources as part of the Qing studies.

Keywords

Qing empire, historiography, *New Qing History*, American Manchu studies, identity, Pamela Kyle Crossley, Mark C. Elliott

For citation

Iliukhov A. A. *New Qing History School: the Manchu Turn in American Historiography*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 156–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-156-166

Введение

Империя Цин (1644–1912 гг.), безусловно, являлась одним из самых могущественных государств своего времени. Несмотря на господство над огромной территорией, где проживало много народов, фундаментом для правящего режима на протяжении всего времени его существования был относительно малочисленный народ маньчжуров. Подобный контраст с давних пор побуждал многих ученых задаться закономерным вопросом: как маньчжурским правителям удалось построить одну из сильнейших империй раннего Нового времени и поддерживать функционирование столь сложной системы в течение более двух с половиной столетий? Вместе с тем на протяжении долгого времени существовали факторы, которые в глазах исследователей могли принижать значимость маньчжурского компонента в империи.

Так, во время правления династии Цин западные ученые ориентировались на созданный китайскими и маньчжурскими историографами нарратив, обосновывавший легитимность господства правящего режима над Китаем путем помещения его в контекст череды династий, наследующих Мандат Неба (天命 – *тяньмин*)¹. Уже после падения Цин на взгляды исследователей не могла не повлиять и утрата маньчжурским языком своих позиций в Китае. Будучи до 1912 г. официальным языком империи, к концу столетия маньчжурский язык продолжал использоваться в качестве повседневного разговорного языка лишь относительно небольшой группой сибинцев в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на границе с Казахстаном [Stary, 2003, p. 81–83], а также несколькими людьми в деревне Саньцзяцзы (三家子) провинции Хэйлунцзян [Му Миньяо, 2020, с. 123].

Вместе с утратой власти дома Айсиньгиоро над территорией Китая интерес ученых к изучению памятников на маньчжурском языке, а вместе с тем и к маньчжурам в принципе, стал постепенно угасать. Так, некогда ведущая европейская школа маньчжуроведения к 1960-м гг. была представлена лишь единичными учеными², а среди исследователей династии Цин по всему миру господствовало мнение о незначительной роли собственно маньчжурского компонента в функционировании империи. Нехватка специалистов в сфере маньчжуроведения

¹ К примеру, данная концепция активно используется в маньчжурском памятнике *Обращение Поздней Цзинь к императору Мин Ваньли* (後金敬明萬曆皇帝文 – *Хоу Цзинь си Мин Ваньли хуанди вэнь*) 1623 г., в котором путем приведения исторических параллелей между правителями древности и современной памятнику политической конъюнктурой обосновывается право маньчжурской династии на императорский трон [Pang, Stary, 2010, p. 6, 7].

² Пан Т. А. Маньчжуроведение // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2184227> (дата обращения 03.04.2022); [Пан, 2006, с. 8, 27].

острее всего ощущалась среди американских ученых: сложившееся положение вещей иллюстрирует тот факт, что к 1981 г. в Гарвардском университете лишь один студент, изучавший историю династии Цин, обучался маньчжурскому языку [Bartlett, 1985, p. 25].

Изучение династии Цин в американской синологии накануне «поворота»

В целом к середине XX столетия среди подавляющего большинства американских историков было распространено представление, что причина настолько долгого господства над Китаем такой малочисленной общности, как маньчжуры заключалась в ее китаизации (*sinicization*), т. е. в заимствовании китайского образа жизни и последующей ассимиляции [Elliott, 2001b, p. 25]. В своем наиболее завершенном выражении теория китаизации маньчжуров была представлена в статье Хэ Бинди 1967 г. *The Significance of the Ch'ing Period in Chinese History* [Ho Ping-ti, 1967, p. 189]. Согласно основному тезису автора статьи, уникальность и *значимость* династии Цин для истории Китая заключалась в том, что ей удалось добиться консолидации различных этносов и успешного управления ими. Достичь такой нелегкой цели маньчжурскому двору удалось благодаря сознательной политике китаизации, в результате чего маньчжуры смогли преобразовать свое племенное общество в единую централизованную империю, а также завоевать расположение китайской конфуцианской элиты [Ibid., p. 191–193]. Упадок династии был связан с внекультурными факторами: с одной стороны, долгий период мира и благополучия, длившийся более чем одно столетие, привел к беспрецедентному демографическому росту; с другой стороны, цинский Китай был втянут в водоворот чуждой ему западной системы международных отношений [Ibid., p. 195]. Как указывал Хэ Бинди, оба фактора были уникальны для китайской истории, поэтому и фатальны для «во всех прочих отношениях, скорее, выдающейся династии» [Ho Ping-ti, 1998, p. 124] – очевидно, «выдающейся» в ее способности приобщить различные общности к китайской цивилизации под единым управлением.

Тем не менее, с 1940-х гг. некоторые американские синологи подвергали сомнению общепринятый взгляд на процессы, происходившие при династии Цин. Альтернативная гипотеза в наиболее ясно сформулированном виде была предложена Карлом Виттфогелем и Фэн Цзяшэном в их совместной работе *History of Chinese Society: Liao (907–1125)* [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, p. 15] еще в 1949 г. Авторы обращаются к трудам американского культурного антрополога Ральфа Линтона: согласно его взглядам, в условиях утверждения инородческого режима на завоеванной территории, где завоеватели значительно уступают местному населению в численности, культурный обмен между двумя общностями происходит с трудом. В среде завоеванных возникает чувство враждебности к завоевателям, в то время как среди завоевателей зарождается страх перед ассимиляцией, которая в долгосрочной перспективе грозит уничтожением их привилегий, поэтому новый режим сразу же после установления власти прибегает к поддержанию сегрегации между двумя общностями. Как следствие, К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн выдвинули гипотезу, согласно которой китайцам никогда не удавалось ассимилировать своих завоевателей, пока те находились при власти. Вместо ассимиляции происходил «социокультурный симбиоз» ведущих этносов империй [Ibid., p. 7]. Авторы выделяют основные, по их мнению, меры, которые цинские власти сознательно принимали для сохранения социальных и политических институтов, способствовавших обособлению маньчжуров:

1) социальное разделение между маньчжурами и большей частью китайцев прежде всего достигалось благодаря организации наследственной системы восьмизнаменной армии, ставшей вплоть до восстания тайпинов главной военной опорой режима и состоявшей из семей маньчжуров, лояльных монголов и потомков союзных в борьбе с минским режимом китайцев;

2) помимо создания системы знамённых войск, сегрегация выражалась в ограничениях на браки между китайцами и маньчжурами;

3) несмотря на переход в повседневном общении на китайский язык, маньчжурский язык оставался средством усиления социально-этнических различий;

4) наряду с особыми социальными институтами существовали и политические преференции для маньчжуров, позволявшие им без участия в экзаменах заниматься государственной деятельностью [Wittfogel, Fêng Chia-shêng, 1949, p. 11–14].

Таким образом, К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн впервые в американской историографии усомнились в адекватности господствующего взгляда на маньчжуров династии Цин как на полностью ассимилированный китайцами этнос. Следуя разработкам американской школы культурной антропологии, данная работа впервые вводит в синологию термин *аккультурация* как процесс культурной конвергенции между двумя общностями; *ассимиляция* оценивается лишь в качестве одного из возможных вариантов контактов двух культур [Ibid., p. 5]. Будучи крупным социологом, Виттфогель прежде всего обращает внимание на поддержание особых социальных институтов в качестве факторов сохранения маньчжурской идентичности. Впоследствии впервые сформулированные им аргументы будут неоднократно повторяться новыми поколениями американских маньчжуроведов.

New Qing History

Поворотной точкой в американской историографии по династии Цин стали 1980-е гг. Как уже упоминалось, еще раньше исследователи в США стали опровергать утверждение об утере маньчжурами собственной идентичности. Тем не менее, для обоснования своих гипотез ученые обращались к материалу, написанному на китайском языке, так как считалось, что благодаря дублированию всей документации на маньчжурском и китайском языках для проведения исторического исследования достаточно обращения к тексту на китайском языке из-за полного совпадения информации в маньчжурской и китайской редакциях³. В конце 1970-х гг., однако, условия работы с источниками для американских китаистов существенно изменились: для иностранцев был открыт доступ к архивам КНР, в которых в большом количестве представлены источники на маньчжурском языке [Elliott, 2001a, p. 1]. Открытие новых материалов породило среди американских историков всплеск интереса к переосмыслению устоявшихся взглядов на цинский период и методов его изучения, что привело к возникновению особого направления, за которым закрепилось название *New Qing History*.

Первым, кто заявил в США о необходимости использовать источники на маньчжурском языке применительно к изучению династии Цин и не опираться исключительно на китайские материалы, стал Джозеф Флетчер из Гарвардского университета [Fletcher, 1981, p. 655, 656]. Как специалист широкого профиля, в сфере интересов которого лежала история монголов, маньчжуров и мусульманских народов, Флетчер стоял у начала еще одного поворота в американском маньчжуроведении: с его точки зрения, более продуктивным являлось рассматривать династию Цин не в ряду китайских режимов, а в сравнении с другими евразийскими империями [Fletcher, 1995, p. 236]. По мнению Флетчера, опыт степных ханств привел к созданию «оседлых империй», в которых централизованная персонализированная власть сочеталась со стабильностью, предоставляемой аграрным социально-экономическим порядком [Ibid., p. 237]⁴.

³ Следует отметить, что в европейском маньчжуроведении ситуация была иной: немногочисленные исследователи во второй половине XX в. активно работали с маньчжурскими источниками, доступными в европейских фондах [Пан, 2006, с. 21, 22]; тем не менее американская школа развивалась достаточно автономно, фактически игнорируя выводы немецких и советских ученых.

⁴ Данное положение впоследствии было воспринято российской историографией, однако отечественные специалисты рассматривают переход к регулярному налогообложению земледельцев и горожан не в качестве универсальной модели, а лишь как один из возможных вариантов развития кочевых империй [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 54, 55].

Другим важным автором для оформления новых тенденций в американском маньчжуроведении стала Беатрис Бартлетт из Йельского университета. В 1985 г. в свет вышла ее статья *Books of Revelations: The Importance of the Manchu Language Archival Record Books for Research on Ch'ing History* [Bartlett, 1985, p. 26], в которой описывались маньчжурские фонды архивов Пекина. Отвергая взгляд о тождественности цинских документов на китайском и маньчжурском языках, автор утверждает на примере архивных записей Военного совета (君譏處 – Цзюньцзи чу), что вплоть до конца династии выпускалась документация, которая не переводилась на китайский язык. Впоследствии, уже в 1991 г., в работе *Monarchs and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China* [Bartlett, 1991, p. 234], основанной на анализе источников из архивов Военного совета, она сделала вывод об отсутствии равенства между китайцами и маньчжурами, что проявлялось в концентрации власти во внутреннем дворе (内廷 – нэйтин) в руках маньчжуров вплоть до конца XVIII в. Более того, маньчжурское влияние при дворе было настолько сильно, что цинские императоры сами искали способы его уменьшения, так как связывали приоритет маньчжурской знати с ограничением своей абсолютной власти [Ibid., p. 25].

Идеи, высказанные в работах 1980-х гг., заложили основы для масштабной ревизии в последующем десятилетии традиционного взгляда на историю династии Цин и положение маньчжуров. Прежде исследования велись в рамках исторической социологии, и в первую очередь изучалось китайское общество; маньчжурская проблема была важной, но всего лишь частью масштабной цели исследователей, которые, скорее, обозначили существование несоответствия традиционного дискурса имеющимся у них данным, оставляя решение этой проблемы будущему поколению ученых. Новое поколение американских ученых определило понятие этничности в качестве центрального для своей научной деятельности.

Другим важным положением, выдвинутым в 1990-е гг. исследователями *New Qing History*, стало развитие идеи Флетчера о евразийском характере династии Цин: согласно новой теории, устройство цинского государства по своей сути было не синоцентричным, а мультикультурным, и Китай, с точки зрения маньчжурских правителей, был всего лишь одной из многих частей империи, включавшей в себя Маньчжурию, Монголию, Тибет и Восточный Туркестан, которые в исследованиях историков данного направления объединялись под общим названием *Внутренняя Азия (Inner Asia)* в противовес собственно Китаю. Завоевание Китая стало рассматриваться как необходимый шаг для удовлетворения имперских амбиций, но отнюдь не главная цель цинских императоров [Waley-Cohen, 2004, p. 194, 195].

В качестве главных авторов, работающих в парадигме *New Qing History*, принято отмечать Памелу Кайл Кроссли из Дартмутского колледжа и Марка Эллиотта из Гарвардского университета, которые предложили два разных понимания социальных и политических процессов в истории династии Цин. Идеи, выдвинутые Кроссли, укладывались в парадигму Бенедикта Андерсона, который в работе *Воображаемые сообщества* [Андерсон, 2016, с. 34, 35] рассматривал процесс возникновения наций в XIX в. за пределами Европы. Кроссли ставит вопрос о том, что именно служило опорой для существовавших до эпохи национализма «империй завоевания» (*empires of conquest*): какие формы идентичности могло конструировать донациональное государство для поддержания своего режима и каким образом евразийские империи раннего Нового времени могли объединять различные культурные пространства под единым управлением – империя Цин мыслилась как раз в качестве одного из примеров подобных «объединяющих» режимов [Crossley, 1999, p. 1]. Нельзя сказать, что взгляды Кроссли были оформлены в единую четко структурированную теорию – ее идеи, скорее, сосредоточены по разным работам и в целом сводимы к следующим пунктам.

1. Кроссли полагает, что ошибочно считать идентичности изначально этническими, т. е., в трактовке Кроссли, имеющими неизменную культуру, делающими индивидов не подверженными ассимиляции и основанными на наследственной принадлежности [Ibid., p. 7].

2. Вслед за Оуэном Латтимором Кроссли рассматривает Маньчжурию времен Нурхацы как «резервуар», в котором «кружились» различные культурные идентичности (китайская,

монгольская, корейская и прочие «местные»), а проведение границы между ними не представляется возможным [Crossley, 1999, p. 47; 2002, p. 54–74].

3. Наследник Нурхацы Хун Тайцзи взял курс на создание империи, которая могла бы объединить в себе различные культурные пространства. Цинское правление представлялось в качестве сложной системы, стоящей во главе тех культур, эксплуатация идей которых могла быть полезной для построения мультикультурной империи, и обосновывающей свое господство в рамках каждой из них. Подобное положение вещей Кроссли называет «синхронностью» (*simultaneity*), имея в виду одновременное выражение одной идеи легитимности императора в различных культурных и языковых формах. При этом идентичности характеризовались высокой степенью пластичности и способностью менять свои границы в зависимости от нужд империи [Crossley, 1999, p. 11, 31, 32].

4. Новым этапом репрезентации правящего режима стало правление императора Цяньлуна (1735–1796), который отныне больше не вписывал себя в рамки «традиционных» культур – он стоял над ними, произвольно используя разные их элементы для построения нового единого нарратива универсальной империи [Crossley, 1999, p. 34, 35, 38; 2002, p. 112–120].

5. Централизация и укрепление императорской власти сопровождалась возрастающими документализацией и формализацией в отношениях с подданными, что приводило к необходимости их четкого различения, чтобы подданного можно было однозначно отнести к той или иной группе. Для этого усиливались границы между идентичностями, для чего устранялись «промежуточные» группы, делавшие переход от одной идентичности к другой более плавным. Благодаря маргинализации промежуточных групп наподобие китайских знаменитых были созданы монолитные *этнические* идентичности китайцев, монголов и маньчжуров [Crossley, 1987, p. 761, 762; 1990, p. 5; 1999, p. 3, 44–46, 120, 121, 271; 2002, p. 7] ⁵.

6. Созданная Цяньлуном репрезентация универсального правителя и связанные с ней имперские институты после его смерти начали подвергаться эрозии, однако вплоть до восстания тайпинов (1850–1864) идея управления империей в общем и целом оставалась той же. Вместе с тем создание образа универсального правителя имело следствием возникновение представления о находящейся под его контролем качественно единой территории, что стало необходимой предпосылкой для возникновения китайской *национальной* идентичности, основанной на общности территории и уже не нуждающейся в фигуре универсального правителя [Crossley, 1999, p. 28, 43].

7. После завершения восстания тайпинов империя вступила в заключительную стадию своего существования. К этому периоду относится окончательное оформление маньчжурской идентичности в качестве *этнической*, когда полное или значительное истребление нанкинского и ханчжоуского гарнизонов в ходе восстания тайпинов привело к замкнутости оставшихся знаменитых гарнизонов и консолидации их членов [Crossley, 1990, p. 6, 126, 127, 129, 130, 133, 138; 1999, p. 29].

8. По мнению Кроссли, представление империи Цин как маньчжурской является ошибочным. Цинский двор не был конфуцианизирован или китаизирован, равно как не был и оплотом маньчжурской культуры в том виде, в котором она существовала до вторжения Цин в Китай. В этой империи возникла особая, «цинская» система, в которой управление не осуществлялось в рамках какой-либо одной «традиционной» культуры, но с использованием элементов всех сразу для создания образа универсального правителя [Crossley, 2002, p. 13].

Хотя Кроссли и отмечает важную роль знаменитых структур для поддержания маньчжурской идентичности, всё же она не уделяет им первостепенное внимание – в отличие от Марка Эллиотта, который называет свой взгляд на династию Цин «неотрадиционалистским». В основе его теории, представленной в труде *The Manchu Way* [Elliott, 2001b, p. 34], лежит несколько положений. Во-первых, для создания устойчивого режима в Китае инородной дина-

⁵ Подробнее о культурных и социальных факторах, укреплявших маньчжурскую этническую идентичность: [Crossley, 1999, p. 299; 2002, p. 6, 11, 12].

стии были необходимы в равной степени как аккультурация, так и сохранение собственной идентичности [Elliott, 2001b, p. 3, 5]. Во-вторых, этничность как некий социальный конструкт не является чем-то изначально заданным, она изменчива, а принадлежность к этносу определяется не только культурными, но и рядом других факторов (зачастую не столько действительными, сколько предполагаемыми), в том числе и институциональными; в случае с маньчжурами в условиях приобщения к китайской культуре именно институциональные факторы вышли на первый план [Ibid., p. xiv, 12, 17]. В-третьих, для полного понимания происходивших в Цин процессов и, в частности, мировоззрения маньчжуров, необходимо изучать то, что маньчжуры писали о себе на своем языке [Ibid., p. xv].

Эллиотт критикует традиционный взгляд Хэ Бинди и других сторонников теории китаизации на этническую ситуацию в империи Цин, в основе которого лежало несколько ошибочных подходов, не согласующихся с последними исследованиями в рамках теории этничности и нуждающихся в замене на новые. Во-первых, не существует объективных и неизменных критериев, используя которые можно однозначно определить принадлежность к этносу. Во-вторых, демонстрация культурных компонентов не тождественна этнической самоидентификации. В-третьих, принадлежность к одной общности не исключает обращения к практикам другой общности. Применение данных возражений в отношении маньчжурской идентичности означает, что маньчжур-конфуцианец, уклоняющийся от прохождения экзамена по стрельбе из лука и говорящий на китайском языке, тем не менее, не перестает быть маньчжуром [Ibid., p. 16–18].

Опираясь на данные маньчжурских архивов, Эллиотт приходит к выводу, что именно военно-административные структуры в виде знамённых войск стали наиболее явным маркером маньчжурской отличительности, что стало возможным благодаря своевременным реформам знамённой системы в 1720–1770-е гг. Были тщательно пересмотрены генеалогии всех членов знамённых войск, а статусные и институциональные различия между китайскими и остальными знамёнами были усилены – в результате китайские знамёна были оставлены лишь в Пекине и Гуанчжоу ради улучшения финансового положения оставшихся знамённых. Подобный шаг свидетельствует о том, что смысл существования знамённых войск заключался в сохранении привилегированного положения маньчжуров в империи [Ibid., p. xviii, 351].

В отличие от Кроссли, которая считала маньчжурскую идентичность вплоть до второй половины XIX в. культурной и лишь затем ставшей этнической, Эллиотт, напротив, полагает, что маньчжурская идентичность изначально возникла как этническая и была в дальнейшем неразрывно связана с институтом знамённых войск. Принципиальное различие в их взглядах, как кажется, происходит из разного понимания этничности: если для Кроссли она в противовес культуре является чем-то неизменным, строго наследуемым и имеющим четкие границы с другими группами, Эллиотт не видит в самих по себе различиях причины образования этничности. По Эллиотту, этническая принадлежность обнаруживается в том, являются ли различия – реальные или воображаемые – значимыми для членов группы. Если для Кроссли этничность является необходимым звеном для преобразования носителей культуры в политическую нацию, Эллиотт рассматривает этничность в рамках дихотомии «культура – этнос» для объяснения сохранения маньчжурской идентичности при несомненной аккультурации маньчжуров: при стирании культурных различий границы между маньчжурами и китайцами оставались или даже укреплялись.

Наряду с Кроссли и Эллиоттом в рамках направления *New Qing History* писал работы и ряд других исследователей, внесших значительный вклад в переосмысление маньчжурского фактора в истории династии Цин. Так, Эвелин Равски из Питтсбургского университета в 1996 г. опубликовала программную статью *Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History*, в которой вступает в полемику с Хэ Бинди, ставя под сомнение аргументы теории китаизации маньчжуров. Автор обозревает базирующуюся на новых данных из открытых архивов литературу последних десятилетий, которая

повлияла на переосмысление представлений о династии Цин и положения в ней маньчжуров. Особое внимание Равски уделяет работам по трем темам:

- 1) знаменитые войска как особая элита завоевателей, существующая параллельно китайской интеллектуальной элите;
- 2) управление разными культурами в рамках мультиэтнической империи;
- 3) сравнение династии Цин с другими инородческими режимами на территории Китая [Rawski, 1996, p. 832–838].

Выступая с позиции постмодернизма, Равски рассматривает теорию китаизации как модернистский нарратив, трактующий историю Китая с ханьских националистических позиций, который невозможно оценивать в отрыве от китайского исторического контекста XX в. [Ibid., p. 838–842].

Критика *New Qing History* в США

Нельзя сказать, что «маньчжурский поворот» в американской историографии был безоговорочно принят исследователями. В 1998 г., через два года после публикации статьи Равски, Хэ Бинди пишет ответ на высказанные ей возражения. В своей новой статье он выражает недоверие к состоятельности работы Равски, указывая, что она базируется исключительно на современной литературе без опоры на источники и является по своей сути библиографическим обзором, что никак не может претендовать на пересмотр сложной макроисторической парадигмы. Главным положением концепции Хэ Бинди, которое будет встречаться и у последующих критиков *New Qing History*, является отрицание противоречия между существованием маньчжурской идентичности и китаизацией маньчжуров. Китаизация предусматривает сохранение других форм идентичности, отличных от китайской: человек, оставаясь маньчжуром, вместе с тем мыслит себя в орбите китайской цивилизации. По мнению автора, китайская цивилизация не была неизменной, а в связи с контактами с неханьскими народами она заимствовала их элементы культуры, которые, однако, с течением времени становились органичной частью китайской цивилизации, что расширяло ее пределы. Соглашаясь с тем, что характер цинских отношений с неханьцами был отличен от бытовавших при династиях Сун и Мин, Хэ Бинди, тем не менее, выражает абсолютную уверенность в том, что ядро их стратегии управления основывалось на китайских политических принципах. Более того, Хэ Бинди указывает на то, что в основе теории *New Qing History* лежит «ложная дихотомия» (*false dichotomy*) между китаизацией и отношением Цин с «внутриазиатской» периферией, которая необоснованно смещает акцент с маньчжурского управления в самом Китае на менее важные для режима регионы; на самом деле речь идет не более чем об отдельных неханьских практиках, которые были успешно впитаны китайской культурой для более эффективного управления окраиной империи [Ho Ping-ti, 1998, p. 124, 125].

Критика направления *New Qing History* с попыткой сформировать новый нарратив теории китаизации была предпринята американским исследователем китайского происхождения Хуан Пэем в 2011 г. в книге *Reorienting the Manchus: A Study of Sinicization, 1583–1795* [Huang Pei, 2011, p. 2, 5, 6]. В целом его позицию можно свести к следующему. Сам термин «китаизация» интерпретируется не как ассимиляция, а как адаптация к китайскому образу жизни [Ibid., p. 4]. Маньчжурская идентичность, действительно, существовала, что не входит в противоречие с фактом китаизации маньчжуров, которая стартовала задолго до начала борьбы Нурхацы против Мин и была неизбежна по причине тесных экономических контактов. Контакты между китайцами и маньчжурами привели к китаизации последних, причем из всех завоевателей маньчжуры были китаизированы в наибольшей степени, что предопределило устойчивость режима. Способность маньчжуров к адаптации была уже заключена в их культуре, так как их этнос складывался на базе не только чжурчжэньской, но и других общностей: китайской, монгольской, корейской. Как следствие, маньчжуры изначально были тесно связаны с китайцами, а их чужеродность была преувеличена минскими властями в XVII в. и ки-

тайскими революционерами в XX в. Наконец, Китай был центром империи, а не всего лишь одной из многих ее частей, о чем свидетельствует то, что столица и императорские гробницы находились на китайской территории государства [Huang Pei, 2011, p. 2–11].

Стоит отметить, что критика новой парадигмы исходит прежде всего от американских ученых китайского происхождения; им вторят представители китайской официальной историографии. Вместе с тем следует признать, что в настоящее время в западных странах дискурс *New Qing History* становится всё популярнее.

Заключение

Несмотря на обоснованность сомнений в принципиальной новизне положений направления *New Qing History*, сложно отрицать, что деятельность американских историков способствовала привлечению внимания к маньчжурскому фактору исследователей династии Цин. Представляется, что несовпадение во взглядах ученых течения *New Qing History* и ее критиков происходит из-за различных акцентов в изучении взаимодействия между культурно-этническими общностями, населявшими империю Цин: если первые рассматривают прежде всего различия, то вторые работают на выявление сходств между ними для подкрепления фактами концепции семьи единой китайской нации. Оба подхода имеют право на существование, поэтому следует учитывать работы обоих направлений в историографии для более полного изучения династии Цин.

Что касается деятельности ученых, работающих в рамках направления *New Qing History*, то их главным достижением является акцентированное проговаривание идей, ранее выдвигавшихся отдельными маньчжуроведами разных стран и не совпадавших с теорией китаизации, а также формулирование на их основе новой парадигмы, альтернативной традиционной. В результате в XXI в. именно новый взгляд на историю Цин стал господствовать среди западных историков⁶. Вместе с тем наблюдаются различия в трактовке этнической истории маньчжуров. Для адекватной оценки этих трактовок необходим тщательный анализ исторических источников по династии Цин, что возможно на базе письменных материалов на маньчжурском и китайском языках, находящихся в распоряжении мировых фондов.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле. 2016. 416 с.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
- Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.
- Bartlett B. S. Books of Revelations: The Importance of the Manchu Language Archival Record Books for Research on Ch'ing History. *Late Imperial China*, 1985, vol. 6, no. 2, pp. 25–36.
- Bartlett B. S. Monarchs and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723–1820. Berkeley, CA, Uni. of California Press, 1991, 417 p.
- Crossley P. K. Manzhou Yuanliu Kao and the Formalization of the Manchu Heritage. *The Journal of Asian Studies*, 1987, vol. 46, no. 4, pp. 761–790.
- Crossley P. K. Orphan Warriors: Three Manchu Generations and the End of the Qing World. Princeton, NJ, Princeton Uni. Press, 1990, 328 p.
- Crossley P. K. A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley, CA, Uni. of California Press, 1999, 403 + xiv p.
- Crossley P. K. The Manchus. Cambridge, MA, Blackwell, 2002, 239 p.

⁶ К примеру: [Lin Hang, 2017, p. 152].

- Elliott M. C.** The Manchu-Language Archives of the Qing Dynasty and the Origins of the Palace Memorial System. *Late Imperial China*, 2001a, vol. 22, no. 1, pp. 1–70.
- Elliott M. C.** The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, CA, Stanford Uni. Press, 2001b, 590 + xxviii p.
- Fletcher J. F.** Review: Manchu Books in London: A Union Catalogue by W. Simon, Howard G. H. Nelson. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1981, vol. 41, no. 2, pp. 653–663.
- Fletcher J. F.** Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. In: Manz Beatrice Forbes (ed.). *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia*. Variorum, 1995, pp. 236–251.
- Ho Ping-ti.** The Significance of the Ch'ing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies*, 1967, vol. 26, no. 2, pp. 189–195.
- Ho Ping-ti.** In Defense of Sinicization: A Rebuttal of Evelyn Rawski's "Reenvisioning the Qing". *The Journal of Asian Studies*, 1998, vol. 57, no. 1, pp. 123–155.
- Huang Pei.** Reorienting the Manchus: A Study of Sinicization, 1583–1795. Ithaca, NY: Cornell East Asia Series, 2011, 361 + xxiv p.
- Lin Hang.** Re-envisioning Manchu and Qing History: A Question of Sinicization. *Archiv Orientalní*, 2017, vol. 85, no. 1, pp. 141–154.
- Pang T. A., Stary G.** Manchu versus Ming: Qing Taizu Nurhaci's "Proclamation" to the Ming Dynasty. Wiesbaden, Harrassowitz, 2010, 68 + xv p.
- Rawski E. S.** Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies*, 1996, vol. 55, no. 4, pp. 829–850.
- Stary G.** Sibe: An Endangered Language. In: Janse Mark, Tol Sijmen (eds.). *Language Death and Language Maintenance: Theoretical, Practical and Descriptive Approaches*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2003, pp. 81–89.
- Waley-Cohen J.** The New Qing History. *Radical History Review*, 2004, iss. 88, pp. 193–206.
- Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng.** History of Chinese Society: Liao (907–1125). Philadelphia, PA, The American Philosophical Society, 1949, 752 + xv p.
- Му Миньяо.** Саньцзяцзы цунь маньцзу вэньхуа яньбянь личэн гайшо [牟敏瑶。三家子村满语族文化演变历程该说]. Очерк по ходу эволюции культуры маньчжуров в деревне Саньцзяцунь // Маньчжурский язык. 2020. № 2 (71). С. 120–125. (на кит. яз.)

References

- Anderson B.** Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshlenie ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Trans. from English by V. Nikolaev. Moscow, Kuchkovo pole, 2016, 416 p. (in Russ.)
- Bartlett B. S.** Books of Revelations: The Importance of the Manchu Language Archival Record Books for Research on Ch'ing History. *Late Imperial China*, 1985, vol. 6, no. 2, pp. 25–36.
- Bartlett B. S.** Monarchs and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723–1820. Berkeley, CA, Uni. of California Press, 1991, 417 p.
- Crossley P. K.** A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley, CA, Uni. of California Press, 1999, 403 + xiv p.
- Crossley P. K.** Manzhou Yuanliu Kao and the Formalization of the Manchu Heritage. *The Journal of Asian Studies*, 1987, vol. 46, no. 4, pp. 761–790.
- Crossley P. K.** Orphan Warriors: Three Manchu Generations and the End of the Qing World. Princeton, NJ, Princeton Uni. Press, 1990, 328 p.
- Crossley P. K.** The Manchus. Cambridge, MA, Blackwell, 2002, 239 p.
- Elliott M. C.** The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, CA, Stanford Uni. Press, 2001b, 590 + xxviii p.
- Elliott M. C.** The Manchu-Language Archives of the Qing Dynasty and the Origins of the Palace Memorial System. *Late Imperial China*, 2001a, vol. 22, no. 1, pp. 1–70.

- Fletcher J. F.** Review: Manchu Books in London: A Union Catalogue by W. Simon, Howard G. H. Nelson. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1981, vol. 41, no. 2, pp. 653–663.
- Fletcher J. F.** Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. In: Manz Beatrice Forbes (ed.). *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia*. Variorum, 1995, pp. 236–251.
- Ho Ping-ti.** In Defense of Sinicization: A Rebuttal of Evelyn Rawski's "Reenvisioning the Qing". *The Journal of Asian Studies*, 1998, vol. 57, no. 1, pp. 123–155.
- Ho Ping-ti.** The Significance of the Ch'ing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies*, 1967, vol. 26, no. 2, pp. 189–195.
- Huang Pei.** Reorienting the Manchus: A Study of Sinicization, 1583–1795. Ithaca, NY: Cornell East Asia Series, 2011, 361 + xxiv p.
- Kradin N. N., Skrynnikova T. D.** Imperiya Chingis-khana [Genghis Khan's Empire]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006, 557 p. (in Russ.)
- Lin Hang.** Re-envisioning Manchu and Qing History: A Question of Sinicization. *Archiv Orientalní*, 2017, vol. 85, no. 1, pp. 141–154.
- Mu Minyao.** Sanjiazhi cun manzu wenhua yanbian lichen gaishuo [牟敏瑶. 三家子村满语族文化演变历程该说]. Research on the Evolution of Manchu Culture in Sanjiazhi Village. *Manyu yanjiu* [满语研究]. *Manchu Studies*, 2020, vol. 71, no. 2, pp. 120–125. (in Chin.)
- Pan T. A.** Man'chzhurskie pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Qing XVII–XVIII vv. [Manchu Written Sources on the History and Culture of the Qing Empire in the 17–18th Centuries]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2006, 228 p. (in Russ.)
- Pang T. A., Stary G.** Manchu versus Ming: Qing Taizu Nurhaci's "Proclamation" to the Ming Dynasty. Wiesbaden, Harrassowitz, 2010, 68 + xv p.
- Rawski E. S.** Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies*, 1996, vol. 55, no. 4, pp. 829–850.
- Stary G.** Sibe: An Endangered Language. In: Janse Mark, Tol Sijmen (eds.). *Language Death and Language Maintenance: Theoretical, Practical and Descriptive Approaches*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 2003, pp. 81–89.
- Waley-Cohen J.** The New Qing History. *Radical History Review*, 2004, iss. 88, pp. 193–206.
- Wittfogel K. A., Fêng Chia-shêng.** History of Chinese Society: Liao (907–1125). Philadelphia, PA, The American Philosophical Society, 1949, 752 + xv p.

Информация об авторе

Александр Алексеевич Ильюхов, аспирант

Information about the Author

Aleksandr A. Iliukhov, Postgraduate Student

Статья поступила в редакцию 20.08.2022;
одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 09.10.2022
The article was submitted on 20.08.2022;
approved after review on 02.10.2022; accepted for publication on 09.10.2022